

«Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш. ... Возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои».

(Ис. 40: 1-2)

«Народ - венец земного цвета
Краса и радость всем цветам:
Не миновать Господня лета
Благоприятного - и нам».

А. Блок.

ЖИВОЕ СЛОВО

Фаина СОЛОМАТОВА

Во грехах родились...

Окончание.
(Начало в № 1 - 3)

Телефонный звонок вмиг нарушил воспоминания.

- Ко-ко-о, - взмахнул крыльями петух и покосился на распахнутое окно.

- Кого? - пердразнила Феня Петю, - Может, Митенька?

- Егор! Наконец - то объявился, - громко крикнула Катя.

- Нет, не нас с тобой хватились, петушок, - Феня вновь присела на приступки крыльца.

- ...Егор, ты когда приехал? Зачем укатил в деревню? Хотела у тети просить политического убежища, а если не приютит, дитя оставить... Сдурела?! Слушай, папаша, у меня нет выбора! В студенческую общагу поташу новорожденного. Это в индийских кино, счастливый финал, и находится богатый отец, - голос Кати перешел на плач, - слышу - не глухая.... Приеду сегодня на вечернем. Пока.

С Егором племянница приезжала год назад. Он тогда только что вернулся из Афганистана. Офицерская служба не легкая. Понравился парень Фене. Работящий, из рук ничего не валится. Забор починил, в бане пол перебрал, ступеньки у крыльца заменил.

- Красота у вас какая! Не стреляют, много тишины, воды. Солнце не жарит, а ласкает. Когда буду

старичком, выйду в отставку, здесь поселюсь.

Сел отдохнуть, снял рубашку, а на левой руке выше локтя повязка.

- Ранен, Егорушка? - встревожилась Феня.

- Пустяки, подпалило малость. До свадьбы заживет.

Вечером, когда куры зашли в хлев, Феня приказала племяннице:

- Катерина, пусть Егор петуха зарубит. Жир куриный - от ожогов первое лекарство, да и бульон не помешает, на войне-то не в гостях.

Катя заотказывалась: - Может, не стоит? Жалко Петюки-то.

- У меня молодые растут, на племя есть из кого выбирать. Зови парня, застегнет, и баста...

- Ну, уж нет! Такого красавца и стоящего мужика собрались жизни лишить.

- Не жалеи Егор, - не сдавалась Феня.

- Женщины, не подбивайте, отказываюсь. Кровь - это плохо, чья бы она ни была, - Егор вышел на улицу и долго сидел на скамеечке около дома.

- Вроде не месту я с петухом-то сунулась, - пожалела Феня. - Сама крови боюсь.

При виде крови Фене всегда почему-то вспоминался Ефимка и его слова: «Скусная ли кровушка?».

- Егор во сне кричит. Ночью проснется и сидит курит. Начнешь расспрашивать - не достучишься. В атаку меня зовет...

- Катя, вы бы узаконили отношения? На свадьбу я денег дам. И дом я на тебя подписала, Дмитрий знает. Он в обиде не будет.

- Спасибо, тетя, - Катя обняла и поцеловала Феню, - не переживай за нас с Егором, мы пока по-

живем пробным браком.

- Как же мне не тревожиться за тебя, Катенька. Была бы жива мать, было бы кому на путь наставить.

Варваре, матери Кати, судьба выпала нелегкая. Дочку родила в девках. Родителям своей беды не доверила (училась в медицинском училище). После учебы уехала с малышкой на руках в Сибирь. Там высочила замуж, старалась прикрыть позор. Но семейная жизнь оказалась неудачной. Муж выпивал, попрекал ребенком, Катенькой. А совместных Бог не дал.

Вдали от родителей, укор и придинок мужа, Варенька, как свечка, быстро растаяла. Не стало Варюшки, и мать ушла следом. Фенюшка на одном году потеряла сестру и мать. Отец ушел раньше жены и дочери на пять лет. С похорон сестры Феня привезла Катюшку. Девочке было четырнадцать лет. Отец падчерицы несильно и хватился. Писал изредка, а навещать так и не собрался. Потом появилась другая семья, и он, наверное, забыл о существовании Катюшки. А вот у Фенюшки с появлением племянницы радостью великой жизнь засветилась. Дмитрий давно выучился, улетел из родного дома и из страны. Разве гадала Фенюшка, что ее Митенька будет жить за границей, научиться многим языкам, а работать станет в посольстве?! Нерадение Фенюшки к учебе с появлением на свет Митеньки прошло. Чуть подросток, стала ходить в вечернюю. Потом поступила в техникум, а потом и в институт. Митенька в университете учится, а мать заочно тоже за сыном гонится. Уедет на сессию, сорок дней с Ми-

тенькой встречаются. Да ради Митеньки Фенюшка огромную гору камней перетаскает, лишь бы лишней часок видеть свою кровиночку. Ровно сердце чувствовало у Фенюшки: ждет ее долгое расставание с сыночком. Но она гордится Митенькой, любит он мать. И жену Бог дал добрую и красивую.

- Внучка уже невеста...

- Мама Феня, - Катя обняла ее за плечи, - ты на меня не сердись? - свалилась как снег на голову. Проблемы меня согнули, сейчас начали рассыпаться.

- Поделись, а то и впрямь обижусь, - строго предупредила тетя.

- Ой! Не знаю, с чего и начинать, - слезы заблестели на щеках. Катерина зашмыгала носом, закрыла лицо ладонями.

- Прости, милая моя Фенюшка!

- Молодость не без глупостей. Не отчаивайся, - Феня погладила племянницу по волосам.

- Кудри-то, Катюшка, какие мягкие и шелковистые!

- Характер не по волосам, а от породы ежа и ерша! Сама страдаю, других мучаю.

- Ребенок-то Егора? - прервала Феня самобичевание племянницы.

- Конечно! - вспыхнула Катя, - но ты не думай, пожалуйста, что я могла бы оставить ребенка, Егору я назло все плела. Ты же слышала наш разговор...

- Кое-что поняла, кое о чем и раньше догадывалась. Делала бы все по порядку, теперь бы слез не лила, - поучала Феня Катеньку, а про себя подумала, - Господи, читаю девчонке нравочения, у самой-то ошибок разве не было?!

- Девочка родилась не совсем здоровой. Но теперь все позади. Завтра должны перевести в общую палату. Так хочется увидеть ее, - Катя прижала ладони к распирающим грудям, - Больно...

- Сцеживай, Катенька, перегорит молоко, чем дитя кормить станешь?

- Пробовала, плохо получается.

- Всему научись, все образуется. Поделилась бы с Егором, да и с теткой было бы не лишним, - упрекнула Феня

племянницу.

- То, что от тебя скрыла, каюсь. Прости, пожалуйста. Берегла тебя, мама Феня. А с Егором поцапались крепко, потом он укатил в командировку, в горячую точку Авран. Он писал, как и ты, я молчала.

- Егора держись, Катенька. Помягче будь, он парень стоящий, - посоветовала Феня.

- Унижаться не стану. Отказался бы, одна ребеночка воспитала. Ты же прожила одна, и сына вон какого вырастила!

- Одной плохо. В начале тоже так думала: я и сын - и все. В чаше одиночества - горькая водица, - грустно улыбнулась Феня.

- Почему, тетя, вы не вышли замуж?

- Не стоит старое ворошить. Я и то все ночь и утро в прошлом гуляла. Давай лучше тебя в дорогу соберем, а как выпишут из больницы, позво- ни, я приеду.

- Конечно. Научишь меня азам материнства. Всей семейкой прикатим, если у Егора получится. Он мне вчера, - Катя засмеялась, - предложение сделал. Хочу обвенчаться, Егор, думаю, будет не против.

- Будь счастлива, доченька, - Феня обняла и поцеловала племянницу, - поезжай с Богом и храни вас Господь.

- Спасибо, крестная, - Катя вытерла счастливые слезы.

Проводив племянницу, Феня порадовалась за нее. Всегда в тяжелые моменты или когда надо было принимать ответственное решение, Феня шла в церковь. Пусть и не действующая, но благодарить Господа чувствовала и в покинутом храме. Несмотря на столь долгое, в несколько десятилетий забвение даже с такими черными куполами и крестами, храм во Владыкиной горе порадовал своей красотой и каким-то трагически-печальным величием.

В начале восьмидесятых зазвенели голоса и молотки строителей. Прокрутилась спираль истории, пришел праздник Воздвижения. Засверкали, заблестели купола с крестами, а колокольня строится, величавая, но

удивительно легкая на вид. И понесся далеко по округе «благостный глас», благовествуя людям «радость велию». За- теплились огоньки лампад и свечей, и пошел народ к Богу в гости.

И Ефимка вновь объявился во Владыкиной горе. Встретил Феню, обрадовался.

- Тебя и годы не берут, все молодая да красивая. А я состарился, скоро помирать, наверное, стану.

- Не дело не говори. Ты в гости или совсем в наши края наведалься? - поинтересовалась Феня.

- Сторожом определил меня батюшка и жить в пристройке дозволил. Бог не забывает, хотя я грехов много накопил, - вздохнул Ефимка.

- Исповедуйся, груз и скинешь с души, - посоветовала Феня.

- Поведал батюшке черноту свою и Причастие принял. Из-за Илюхи все страдания мои, - при- знался Ефим.

- Илюхи давно и в живых нет, а ты все его вспоминаешь. Об умершем или хорошо или ничего. Молись за него, Ефимка, в душе лад и будет.

- Илюху я со света извел. У лодки шпаклевку выдергал и банку, которой воду из лодки вычерпываю, выбросил. Дело- то было в половодье: не смог Илюха выплыть...

- Ох, Ефимка, Ефимка. Вот до чего твое зло разрослось!

- Обидел он тебя, Фенюшка, а ты для меня дороже всех. И дом Бога разорил. На святое замахнулся. А теперь храм-то краше прежнего. Вот как постарались для Бога и для нас грешных.

